

Адмирал – председатель колхоза?!

Во время Великой Отечественной войны на Крайнем Севере, в Заполярье, был создан северный оборонительный район (СОР), который руководил контр-адмирал Туз.

Бойцы СОРа так отчаянно сражались, проявили такую стойкость и мужество, что немцам за всю войну не удалось продвинуться даже на километр. Война закончилась нашей Великой Победой, контр-адмирала Туза перевели для продолжения службы на Балтийский флот и назначили командиром одной из военно-морских баз. Благодаря своему боевому опыту, эрудиции, требовательности и справедливости Туз успешно справлялся с этой должностью, пользовался заслуженным авторитетом у начальства и у подчиненных. Кроме того, контр-адмирал Туз отличался доброжелательностью и отменным чувством юмора. Вот пример.

Прибывает Туз в военно-морское училище. Дежурный офицер, как положено, встречает и докладывает:

- Товарищ контр-адмирал! В военно-морском училище проводятся занятия и работы согласно плану. Происшествий не случилось. Доложил капитан 1 ранга Король.

Приняв доклад, контр-адмирал, пожимая руку дежурному, говорит:

- А я Туз, ваша карта бита.

Но время идет неумолимо. Закон и возраст требуют уходить в запас, на пенсию. Встал вопрос о трудоустройстве. Тут и вспомнили партийные и советские власти, что Туз до службы на флоте учился в сельскохозяйственной Академии и по комсомольскому набору был со второго курса призван в военно-морской флот и направлен для учебы в Ленинград, в высшее военно-морское училище. Посчитав, что полтора года учебы в Академии - срок достаточный, решили рекомендовать контр-адмирала к избранию председателем крупного многоотраслевого колхоза, что расположен между Калининградом и Балтийском.

К слову, дела в этом колхозе шли, мягко говоря, далеко не блестяще. Созвали всех колхозников на общее собрание.

Представитель власти выступил с краткой речью и, положительно охарактеризовав контр-адмирала, рекомендовал его к избранию председателем. Контр-адмирал Туз, в форме, при всех орденах и медалях, доложил о себе, о своей службе. Дело дошло до вопросов. Их было много. На все Туз отвечал обстоятельно и толково. Казалось, все идет по плану... Но тут встает одна ехидная колхозница и задает вопрос:

- А знает ли наш будущий председатель, сколько у коровы сосков?

Секунду подумав, Туз ответил: - То, что у доярки их два, я точно знаю, а сколько у коровы, я изучу.

Под общий хохот и аплодисменты его единогласно избрали. И не ошиблись. Через год колхоз стал передовым.



Воспоминания контр-адмирала
Валентина РЫЧКОВА

Мое акушерское образование

Когда началась Великая Отечественная война, всех нас, учеников девятых и десятых классов, направили работать на шахты и заводы. Мне выпала доля работать на заводе №605 Народного Комиссариата боеприпасов. Сейчас это завод имени Ивана Черных. Приставили к токарному станку и сделали из меня токаря-станочника на операции №13, а это внутренняя расточка камер реактивных снарядов, знаменитых «Катюш». Операция №13 была самой сложной и самой трудоемкой на линии потока. Она определяла количество изготовленных снарядов и выполнение плана цеха в целом. Поэтому на этой операции стояло 4-5 станков.

Режим работы был предельно тяжелым. Двенадцатичасовой рабочий день, без выходных и пересменок, по 3-4 месяца. Кроме того, нам, 15-16-летним мальчишкам и девчонкам, приходилось и в пургу, и в дождь, пешком и впроголодь ходить на работу и с работы. А это более 5 километров.

Работали мы отчаянно. Перевыполняли нормы, установленные для профессиональных взрослых рабочих. Некоторым рабочим-школьникам, в том числе и мне, было присвоено звание «Гвардеец трудового фронта» с выдачей красной книжечки - удостоверения, в ней были изложены льготы и привилегии гвардейцев. К льготам относилось и право бесплатного проезда в трамваях, которых у нас сроду не было. Два года работы на заводе были самыми трудными в моей жизни. Вдобавок к недетским, чудовищным физическим нагрузкам и постоянному чувству голода угнетало то, что мои друзья, которые были постарше на 1-2 года, воевали на фронте. Было страшно неловко и стыдно. Не без труда мне удалось в горвоенкомате выпросить повестку на призыв в армию. Обрадованный, я ринулся с этой повесткой к заместителю директора завода по найму и увольнению. (Во время войны была такая должность). Он посмотрел секунду-другую на мою повестку и на моих глазах разорвал ее, приговаривая:

- Иди работай и не дури, судить будем...

Пережив разочарование, иду, работаю. Но мысль о том, как «слинять» с завода, не попав под суд, не покидала ни на один день. Вскоре прошел слух, что в Прокопьевске открыт военный фельдшерско-акушерский техникум, и что зачисленных в техникум студентов освобождают от брони. На следующее утро после ночной смены рванул в Прокопьевск. Не без труда нашел техникум. Показал свой табель об окончании 9 классов, написал заявление о страстном желании поступить в техникум и стать военным акушером. Поскольку с набором студентов было туго, меня без всяких проволочек зачислили студентом техникума. Тут же мне выдали студенческий билет и другие документы, удостоверяющие, что я студент военного фельдшерско-акушерского училища. Еду домой, рассказываю маме о своем успехе. Она не только не обрадовалась моим планам ухода с завода и поездке на фронт,

но и была очень огорчена и недовольна моим поведением.

На следующее утро иду на работу. Не заходя в цех, направляюсь в заводоуправление к тому же замдиректора завода. Говорю ему: «Вот мой студенческий билет, я принят в Прокопьевский военный техникум. Теперь вы обязаны рассчитать меня и отпустить с завода».

Замдиректора осмотрел меня с ног до головы, как мне показалось, брезгливо, и сказал:

- Ты посмотри на себя, акушер. Посмотри на свои руки.

А вид у меня был далеко не блестящий. При росте 180 см вес был всего 60 кг. Тощий, неухоженный. Измученный тяжелым трудом. Руки изрезаны металлической стружкой, покрыты несмываемыми следами машинного масла. Одним словом, меня в таком виде нельзя было подпускать к медицине и на километр. Такое же мнение, видимо, сложилось и у замдиректора завода. Он берет мой студенческий билет и безжалостно рвет его. Был бы я девчонкой, то расплакался бы в этот момент. Так жалко мне было студенческий билет.

- Иди и работай, не рыпайся больше, а то судить будем.

Эти слова были не простой угрозой. Даже за малейшую провинность типа прогула можно было «схлопотать» 6-25. Это означало, что шесть месяцев будет удерживаться из зарплаты 25 процентов.

Но тем не менее я целые сутки был студентом военного фельдшерско-акушерского техникума. Поэтому полагаю, что имею право утверждать о наличии определенного акушерского образования, хотя и без практических навыков. Что же было дальше? Настойчивость и упорство победили.

О могучее и всепобеждающее слово «блат»! За меня замолвила слово заведующая отделом агитации и пропаганды горкома партии города, у которой сын учился в высшем военно-морском училище им. Фрунзе.

Меня среди рабочего дня вызывают к директору завода Манакову. Не без трепета вхожу в его кабинет, судорожно соображая: за что?

Директор строго спросил:

- Правда ли, что ты так настойчиво и упорно рвешься в армию?

Я ответил, что да, это правда, но не в армию, а на флот.

- Хорошо, - сказал директор, - мы тебя отпустим. Иди, рассчитывайся.

Рассчитываться было некогда. Через несколько часов я уже ехал в поезд без паспорта, только со справкой, что он сдан в заводоуправление, без билета и денег. Надо было торопиться, так как шли последние дни приема в Красноярское подготовительное военно-морское училище.

С этого и началась моя 43-летняя служба в ВМФ. За эти годы я окончил высшее военно-морское училище, высшие офицерские курсы, военно-морскую академию.

Думаю, что все это неплохо дополнило мое акушерское образование сроком в одни сутки.

Как двух Почетных граждан Киселевска исключали из школы

Давно это было. Еще тогда, когда, извините за выражение, канализации в Киселевске не было. Обходились выгребными ямами. А чтобы содержимое этих ям зимой не замерзало, их укрывали толстым слоем соломы.

Наступила весна, снег стаял, а соломой, которая укрывала выгребную яму школы №1 (теперь это школа №37), не убрали. Кто-то случайно или умышленно эту солому-то и поджег. Случился маленький пожарчик. Его без особого труда и ущерба ликвидировали. Но этот пожарчик создал определенную пожарную настороженность...

На следующий день после пожара мы с Германом Сафроновым забрались на крышу стайки, что была на внутреннем дворе школы, уселись на сметанном там сене и усердно начали зубрить физику, готовясь к экзамену. Вскоре мы заметили, что в нашу сторону идет завхоз, владелец лошади, стайки и сена. Мы, конечно, знали, что на сене валяться не положено, а посему прыгнули на землю и стремглаз убежали от преследовавшего нас завхоза. Мы были помоложе, порезвее, завхозу нас догнать не удалось. Но девчонки-предательницы «заложили» нас, назвав наши фамилии. Они, девчонки, конечно же, не знали, что мимо них драпают с предельно возможной скоростью будущий доктор наук, профессор, академик Сафронов и будущий контр-адмирал Рычков, оба станут Почетными гражданами города. Если бы знали, видимо, не выдали бы нас. Отдыхавшись от преследования, мы благополучно прибыли в свой класс и продолжили подготовку к экзамену. Но через несколько минут в класс вошел завуч и молвил:

- Сафронов, Рычков, выходите из класса!

Мы встали и направились к выходу, а завуч говорит:

- Нет, вы с сумками выходите.

Тут мы усеки, что дело серьезное, что пахнет паленым. Нас привели в учительскую комнату и объявили, что мы за курение, да еще на сене, исключаемся из школы. Такая резкая и строгая реакция была вызвана, видимо, вчерашним пожаром. Но мы и не думали там курить по той простой причине, что я ни разу в жизни не брал в рот папиросы или сигареты. О чем совершенно не жалею. Поэтому быть исключенными из школы за то, чего никогда не делали, особенно обидно. Кроме того, мы не были уверены, что нашим родителям факт исключения из школы очень понравится.

Что делать? Решили за помощью обратиться к нашей преподавательнице физики Анисии Дементьевне Чесноковой, она же была нашим классным руководителем. Имея склонность к рисованию, я под руководством Анисии Дементьевны оформлял стенгазеты и по этой причине чуть больше других общался с ней. Она точно знала, что я не курил вообще. Вот она-то и пошла к директору школы, все ему рассказала. Сменив гнев на милость, нас восстановили в правах учащихся школы №1, сделав строгое внушение для профилактики.

А если бы не восстановили? Что было бы с нами? От таких пустяков часто зависит судьба человека.